
Александр Федорович Котс

Музей имени Дарвина в Борьбе за Национальную Культуру

К вопросу о Космополитизме в Области науки и Музейной Практики

Существуют, как известно, два воззрения на науку и ее работников.

Воззрение одно, привыкшее расценивать науку, как абстрактную систему знания, безотносительно к ее творцам и личности ученых.

В свете этой установки — ценны только факты, методы и достижения наук, а не история их получения, не имена и личности их авторов, и не страна, их породившая.

С этой абстрактной точки зрения науки представляются подобием «Вавилонской Башни», создатели которой безразличны и безличны: не раскрытое сегодня может быть открыто завтра, независимо от имени и национальности нашедшего, будь то в России, или в Англии, будь то «Иванов», или «Джонстон».

Высшим идеалом этого безличного подхода в понимании наук являются математические истины, в своих абстрактных символах равно доступные всем посвященным, независимо от языка и нации, как понимают хорошо друг друга, молча прибегая к «языку педалей», управители моторами всех стран и всех народов.

Но естественно спросить: Это безличное, бездушное воззрение на науку и ученых, отвечает ли оно запросам жизни, требованиям современности?

Не трудно видеть полную ошибочность такого взгляда и при том по следующим основаниям.

- I. Даже самые абстрактные науки типа Математики не отделимы от самих ученых и от самобытности подхода каждого из них к одной и той же теме.
- II. Математика, и вообще Естествознание, являются лишь небольшою частью общей сферы человеческого знания, только «подножием» наук гуманитарных, исторических, в которых, по известному определению **Грановского**, — человек является «и материалом, и зодчим», т.е. сыном **данного** народа, **данной** нации, **данного** общества, **данного** класса...
- III. В переходные моменты жизни наций, чтобы не сказать народов мира, требуется величайшая идейно-внутренняя собранность, и все внимание страны властно и властно устремляется на **национальные** ее ресурсы в сфере не одной лишь материальной, но и умственной, и нравственной культуры.

Приведенные мотивы властно и категорически диктуют обращение к другому взгляду на науку, на ее оценку, в свете **национального** ее значения, достоинства и зарождения.

Мотивы этого воззрения сводимы к следующим трем.

- I. Бесспорность неотъемлемой глубокой связи (А.И. **Герцен**) выводов любой науки с философским взглядом на значение и роль ее для жизни, в данном случае в свете Марксизма-Ленинизма, как ведущей, движущей идеологии Страны Советов.
- II. Обязательность центрировать внимание на изучение вопросов, связь которых с актуальными запросами родной страны особенно остра и неотложна, в данном случае — страны Социализма.
- III. Убеждение, что там, где речь идет о крупных и решающих открытиях, об истинах **мировоззренческого** ранга, приложимо и к науке сказанное некогда **Крамским** по поводу Искусства. И перефразируя его слова, возможно было бы сказать:

«Если существует так называемая общечеловеческая наука, то только в силу того, что она выразилась нацией, стоявшей впереди общечеловеческого развития.» «И если ко-

---

гда-нибудь, в отдаленном будущем, России суждено занять такое положение между народами, то и русская наука, будучи глубоко национальной, станет общечеловеческой.»

Вот в каком виде представляются нам общие принципы, или предпосылки по вопросу о значении и месте элемента «национального» в науке, те принципы, в оттенении которых мы очертим установки **Дарвиновского Музея**.

Говорить о «национальном» в применении к последнему особо своевременно, не только потому, что наш Музей — единственный в стране, носящий имя зарубежного биолога, но в силу исторических условий основания этого Музея, его вещного и тематического содержания, характера его работ и отношения к музеям и ученым зарубежных стран.

Начнем с истории возникновения **Дарвиновского Музея**.

Опираясь на коллекции, ценнейшее ядро которых составлялось на исходе прошлого столетия, Музей имени **Дарвина**, как посвященный иллюстрации Теории Эволюции, оформился полвека тому назад, в итоге длительного изучения музеев зарубежных стран и, в частности, Британского Музея в 1905-м году.

Однако, зародился и сложился наш **Музей не** в подражание Британскому, или другим музеям Запада, но как **протест** против их нудно-эмпирической, мало-идейной установки.

Не копировать музеи Запада, но доказать их слабость, малую идейность, не словесно, а на практике, наглядно показав, как можно вещно-полноценно, целостно-идейно претворить для массовых музейных зрителей учение об эволюции живой природы, — вот, в чем заключалась историческая база, на которой зародилась мысль о создании в России специального Музея Дарвинизма, для которого на родине великого ученого не оказалось понимания и места..

И легко понять причины робости, с которой родина великого ученого пыталась выявить его идеи, говоря точнее, — умолчать о них в стенах Британского Музея.

Но не менее понятно, почему доселе недосказанное Лондоном договорила именно **Москва**.

Давно и хорошо известно, как враждебно было встречено само учение **Дарвина** на его родине, и как совсем иначе — прогрессивными кругами общества нашей «эпохи Возрождения».

Там — затхлая стена обскурантизма консерваторов и клерикалов...

Здесь, у нас — передовая наша демократия в лице ее прославленной триады: **Писарева, Добролюбова и Чернышевского**.

Формулятивно можно было бы сказать, что переняли мы идеи дарвинизма **не благодаря**, но **вопреки** ее оценке Западом, преодолев поставленные им барьеры, продолжая и донныне преодолевать их в наши дни.

Этим достаточно определяется отвод упрека в «преклонении» перед наукой Запада: **преодоленному не поклоняются!**

Ища причины столь неодинаковой судьбы учения **Дарвина** у нас и за границей, мы едва ли ошибемся, полагая, что в основе того пафоса, с которым Дарвинизм встречен был передовой Россией, и той стойкости, с которой он, — с существенными коррективами — царит у нас, — таится характерная черта нашей культуры, закрепленная в творениях наших великих чародеев слова, кисти и резца:

идейность Русского Народа.

Эта страсть, это влечение к целостному обобщенному, идейному, были духовными моторами, этическими двигателями даже там, где, протестуя против временных уклонов, или аббераций мысли, выступления некоторых бывших наших властителей умов склонялись временно к переоценке эмпирического знания...

И только этим выдвиганием примата мысли над простым лишь любованием, можно объяснить руководящий лозунг, выдвинутый практикой Советского Музея: предъявлять музейным зрителям не только факты, не одни только картины, препараты и скульптуры, но идеи, мысли, обобщения, процессы, претворенные на полноценных вещных экспонатах.

И лишь в свете этого **идейного** аспекта можно убедиться, как глубоко чуждо современному Советскому музейцу тот нейтральный, «обывательский» подход в оценке экспозиции, который так присущ доселе зарубежным посетителям музеев, их готовности довольствоваться ссылкой на «занятность», «замечательность» того или иного экспоната, независимо от смыслового содержания его, его идейно-целостного понимания.

Вот почему руководящим принципом при основании в Москве нашего **Дарвиновского Музея** было и осталось полное отмежевание от грубо-эмпирического, внешнего, формального подхода при подборе и показе экспонатов и, напротив, выдвигание лишь тех, которые доступны пронизанию их ясной, яркой, обобщающей идеей.

Но нетрудно видеть, что, переводя внимание зрителя от яркой, «любопытной» **вещи** на великую идею, заменяя экспозицию «вещей» — показом вещно-претворенной мысли, — мы лишь следуем заветам, нам оставленным когда-то первым русским выдающимся «Зоологом-мыслителем», — профессором **Рулье**, считавшим «Факт без мысли — буквой без значения, иероглифом — без разгадки».

Таково то национальное начало, **русская идейность**, призванная пронизать каждый объект, каждую стену, каждый зал, весь комплекс зал, весь «организм» **Дарвиновского Музея**.

Говоря о насыщенной экспонатуры Дарвиновского Музея элементами идеи, мысли вдумчивого обобщения, нельзя не указать на некое другое свойство нашей национальной русской жизни и культуры, ее подлинный

демократизм,

страстное стремление несения знаний в массы нашего народа.

Но тем самым предопределяется значение двух новых предпосылок построения Советского Музея, в полное отличие от зарубежных.

- a. Борьба с «академичностью», в смысле сухого, черствого, абстрактного, формального, теоретического знания, без связи его с практикой и без учета подлинных запросов рядового массового потребителя.
- b. Облекание даваемого знания в манящую и эстетическую форму для содействия эмоционального захвата массового зрителя.

Из них, этих обоих требований, первое созвучно нуждам просвещения народных масс, второе отвечает эстетическим запросам нашего народа, — Родине великих из народа вышедших художников.

И там, и здесь, Музеем нашему дано было сказать «новое слово», пронизать им экспозиционную методику.

Путем отказа от излишней перегрузки, от затеи превращать музеи массового типа в «вещные энциклопедии».

Путем широкого использования полноценного искусства.

Таково новаторское, **национальное** нововведение в структуру и задачи **Дарвиновского Музея** и его служение под лозунгом широкой и серьезной демократизации науки и ее содружества с резцом и кистью **русского** художника.

Переходя от общих деклараций к их конкретному обоснованию, мы ограничимся немногими примерами.

Всего нагляднее и проще элемент **идейности**, присущий русскому, Советскому Музею, выступает в области **скульптуры**.

Сопоставьте статуи и бюсты Чарльза **Дарвина** в Москве и в Лондоне, те, что имеются на родине великого ученого, включая бюсты Национальной Галлерей Англии, с работами нашего скульптора В.А. **Ватагина**.

Там — нудные, сухие и при том плохие «каменные фотографии» с минуциозной передачей в мраморе завязок башмаков и пуговиц, но без намека на попытку отразить **духовный** облик **Дарвина**.

Не то в Москве, в Музее его имени: пронизанные подлинным духовным пафосом, **идейным содержанием**, облики великого мыслителя.

Но сказанное о скульптурах Дарвина относится в широкой степени и к остальным портретным бюстам и скульптурам нашего Музея, будь то провозвестников идеи эволюции **Ламарка**, **Гете**, или русских восприимчивиков ее и реформаторов, как **Тимирязев** и **Мичурин**.

Более сомнительной и спорной может показаться роль и ценность **анималистических** скульптур работы наших выдающихся зоологов-художников **Ватагина**, **Трофимова** и **Флерова**.

Охватывая свыше полсотни тем, или сюжетов, эти капитальные скульптуры призваны отобразить то обобщенные резцом и глазом облики "звериных ликом", все разнообразие их стилей, то гротесковые формы вымерших животных...

И естественно спросить: не выявляются ли в этом нашем синтезе науки и искусства давние заветы **Чернышевского**, — его призывы к творчеству «художника-мыслителя» (1855), к тому, чтобы произведение искусства, оставаясь таковым, «приобрело значение научное»?

Но в еще большей мере это ярко-национальное начало в понимании искусства закрепилось на бесчисленных **полотнах** анималистического содержания, созданных за долгие полвека лучшими анималистами России.

Там, где величайшие музеи Лондона, или Нью-Йорка думают искусственной инсценировкой воссоздать подобия естественных ландшафтов, педантично имитируя детали данного утеса, или пня для размещения на этом фоне птичьих и звериных чучел, — там задача показать животных в оттенении родным ландшафтом, достигается в нашем Музее привлечением кисти наших замечательных художников, любителей и знатоков животных, почитателей родной природы (заслуженных деятелей искусства **Комаров**, **Ватагин**, художники **Флеров**, **Бельшев**, **Кондаков**.)

Да и как иначе оттенить под сводами Музея массового типа не одну лишь «экологию», но и **географический** район животных, обитающих в различных пунктах нашей необъятной родины?

Как бы искусно мы не имитировали за стеклом витрины «уголок снежной поляны», или «горного района», прибегая к жеванной бумаге, вате, или гипсу, — вы не отразите «географии» поскольку ограниченные крохотными «кадрами» снега и камни смотрятся довольно одинаково, будь то «снега» Камчатки, или Подмосковья, горы Скандинавии, или Кавказа, Пиринеев, Альп или Урала.

Но не то с введением живописи и этнографического элемента: поместив на фоне характерных пейзажей живописные фигуры (не «макеты»!) камчадала или горца, как охотников, склоненных над своим трофеем, вы тем самым уточнили «географию» добычи, как лисы «камчатской» и «кубанской», а не просто «северной» и «горной».

Таковы только немногие мотивы (в дополнение ко множеству других..), оправдывающие тесную и органическую связь Науки и Искусства в практике Естественно-Научного Музея.

Но не только в отношении ландшафта, как оправы при показе эволюции животных и романтики их жизни и поэзии «звериных ликом», этот симбиоз ученых и художников оправдан для музеев массового типа.

В еще большей степени этот союз оправдан при попытках отразить такие темы, как «Геологическая Смена жизни на Земле», «Проблема антропогенеза», «Жизнь выдающихся ученых» в смене эволюции мировоззрений.

А в итоге — свыше тысячи холстов, невыразимо ярко, самобытно закрепляющих не только облики животных, их повадки, мимику и пантомимику, но и картины первобытной жизни человека Каменного Века, то историю одомашнения животных, то страницы биографии больших ученых и новаторов Естествознания, то знаменательные и трагические сцены из истории науки, то итоги долголетних опытов Музея по исследованию умственных способностей животных, по гибридизации, влиянию среды, наследственности и изменчивости у животных.

Ничего подобного и отдаленно не имеется не только в экспозициях биомузеев Западной Европы, но и вообще в музеях мира.

Но не то же ли и в отношении естественно-научных экспонатов, «натуральных препаратов», по разделу высших позвоночных, именуемых обычно «чучелами», а на деле представляющих труднейший синтез сложной, специфической технической работы с подлинно-художественным творчеством.

Являясь основным, краеугольным содержанием всех биологических музеев, эти «натуральные скульптуры» призваны давать руководящий «тон» всей экспозиции.

Тем показательнее, что по мастерству монтажа подавляющего большинства своих «таксидермических» объектов наш Музей является непревзойденным ни одним музеем Зап. Европы.¹

Здесь достаточно сравнить монтажи наиболее ответственных объектов, «чучела» слонов, жираффов, тигров, медведей, не говоря уже о птицах, по монтажу абсолютно уникальных в **Дарвиновском Музее**, — чтобы убедиться в несравненном мастерстве московской школы препараторов, представленных в нашем Музее сосоздателем его Орденоносцем **Ф.Е. Федуловым** с его полувековым стажем, и его племянника **Дм. Як. Федулова** с его почти сорокалетним стажем при Музее.

Пользуясь словами крупного авторитета в области музейной практики, покойного Директора Зоомузея нашей Академии Наук и академика **П. П. Сушкина**, возможно утверждать, что нашей полувековой «московской школе препараторов» учиться в Западной Европе — *нечему!*

Новаторы в научной «Таксидермии», два наших препаратора крестьяне по рождению, с трехклассной сельской школой, — яркий образец природной даровитости нашего русского народа и его умения отдаться беззаветно и самоотверженно строительству родной культуры.

От методики и техники показа — к его вещному, фактическому содержанию.

Это последнее на первый взгляд — предельно «космополитично», обнимая Зоологию всего земного шара, фауну мировую, а не только нашей Родины. И не легко найти тот уголок Земли, от Арктики и до Антарктики, тайги и тундры, степи и пустыни, джунглей и саванны и до самых отдаленных островков трех океанов или пиков высочайших гор, которые бы не были представлены в нашем Музее местными, типичными, характерными образцами, от Слонов-гигантов и до миниатюрнейших Колибри, — этих некогда живых смарагдов, аметистов и рубинов...

Опуская наши богатейшие в Союзе серии экзотов (Райских птиц, Туканов, Попугаев..), упомянем здесь об экспонатах типа существующих на перечет в музеях мира, как скелет так наз. «Дронта» (третий экземпляр в Европе), чучело «бескрылой вымершей „Большой Гагарки“» и десятки форм, стоящих на границе полного исчезновения и частью вымерших..

Но тем богаче и любовнее представлена наша **родная** фауна в отсвете работ и достижений русского ученого, Советского зоолога, **родной** Природы.

---

¹ Позволиительно привести здесь одно место из **грамоты** ВЦИК'а за подписью тов. **М.И. Калинина** на имя главного препаратора **Дарв. Музея** **Ф.Е. Федудова**; при награждении его Орденом Трудового Красн. Знамени

— «Являясь наиболее выдающимся таксидермистом-препаратором Союза ССР, Вы довели созданные Вами для Дарвинского Музея экспонаты до совершенства, не превзойденного лучшими музеями Западной Европы.» /9 Октября 1928 г./.

Посмотрите на коллекцию наших **волков** в количестве до полусотни чучел, от громадных белоснежных обитателей безбрежной тундры до миниатюрных блеклых уроженцев степи, на которых местные охотники жалеют пули, добывая их нагоном помощью нагайки...

Еще более внушительна наша фаланга **медведей**, от темно-бурых и смоляно-черных великанов Анадыря и Камчатки и до золотисто-палевых миниатюрных «Мишучков» Туркмении..

Взгляните на десяток наших **тигров**, столь изменчивых под разными широтами все той же необъятной нашей Родины: от уссурийских джунглей, от снегов Амура и до тамарисковых и саксаульных зарослей Туркмении и Казахстана, там — гигантские лохматые, здесь — стройные, короткошерстные, как уроженцы солнечного юга.

Опуская целые стада других пушных животных: **россомах, рысей и леопардов** самых разных и причудливых окрасок, невозможно обойти создания, предельно благодарного для демонстрации законов Дарвинизма в самой яркой форме и зоологически-неискушенным зрителям.

Прославленный герой нашего эпоса, наша **Лисица** — давний и классический пример изменчивости у животных и ее зависимости от влияния окружающей среды: настолько четко, тонко и закономерно отражается на росте и окрасе этого животного условия среды, им обитаемой, влияние почвы, света, влажности и пищи.

От громадных пышных шелковистых «якутянок» и «камчаток», через рослых грубошерстных северо-амурских, через гривистых белесых Семипалатинских к бурым «Караганкам» и песчанистым «Туркменкам», или, оставаясь по сю сторону Урала, от густоволосых крупных тундровых «Огневок» через подмосковную «Крестовку» к палевым степным Поволжья, красно-серым Северо-Кавказским или серовато-бурым лисам Закавказья, — можно увидеть, и даже более того, «прощупать» все тончайшие и нечувствительные переходы.. Не случайно в новом запроектированном здании Музея намечается отдельный зал со специальной миссией — обслуживать *слепых*...

С этой единственной в Европе серией **Лисиц**, добытых на громадной территории, охватывающей шестую часть земного континента, красочно перекликается другая серия.

Сложившаяся на глазах у нас, тридцатилетие тому назад, работа наших Зооферм Советского **Зверосовхозного** Хозяйства привела к созданию новых, замечательных расцветок и мастей лисиц на базе разведения черно-серебристых: «Беломордых», «Платиновых», «Золотисто-Платиновых», «Трехцветных», Снежно-белых с черным крапом «Бакурианок», получаемых сложнейшим методом гибридизации и «воспитания», регулировкой инсоляции и корма.

Уникальные в Европе, исчисляемые **сотнями** объектов, обе эти серии, взаимно дополняясь, позволяют осознать основы Дарвинизма в их практическом значении для народного хозяйства в форме, одинаково доходчивой сезоннику-рабочему и академику-зоологу.

Еще нагляднее и ярче выступает то же самое явление — **изменчивость** животных на другой коллекции — единственной в музеях всего мира.

Белые волки, **Белые** лисицы, **Белые** хори, куницы, колонки и соболя, **белые** белки, **белые** росомахи, **белые** барсуки, еноты..

Черные лисицы, **черные** летяги, **черные** зайцы и сурки не составляют редкости в больших музеях зарубежных стран, лишь уступая численностью нашему собранию..

Но что сказать о «белой» и о **черной рыси**, добытой в тайге Урала, и, конечно, всего прежде о громадной, обнимающей многие сотни особей, коллекции аберративных птиц, от белоснежных по перу **Орлов**, подобного же Глухаря и многих сотен фантастичных по окраске и рисунку промысловых птиц, коллекции, составленной путем просмотра более **трех сот миллионов** особей, «нормальных» по окраске и позволившей впервые разрешить ряд основных вопросов Дарвинизма, перекинув мост от изменчивости в диком состоянии к изменчивости при одомашнении...

Минюя богатейшие коллекции по одомашненным животным, по Гибридизации в естественном и прирученном состоянии — (Помеси Фазанов и тетеревиных птиц, тетерева с рябчиком и с белой куропаткой, гибридов Льва и Тигра, волка и собаки, зебры с лошадей, хоря и норки, соболя с куницей..) упомянем о второй в стране коллекции «русского кречета», как нашей «национальной птице», — символа-эмблемы наших героичных летчиков.

Ценнейшее для птицевода и генетика мичуринского стилия, это уникальное собрание межвидовых, межродовых гибридов не имеет себе равного на материке Европы, а отчасти вообще в музеях мира...

Более того. Касаясь всего прежде представителей отечественной фауны, уникальные собрания **Дарвиновского Музея национальны** по методике, по способу их поступления.

Достаточно сказать, что упомянутые выше несравненные по красоте, по редкости и полноте подбора, исчисляемые сотнями объектов-особей, стада Лисиц и многие десятки Россомых, Волков и Леопардов, Медведей, Рысей и Тигров, вся эта наша «Пушнина», собрана не при участии досужих «снобов» и спортсменов, но руками ... **русского рабочего**.

Во исполнение мудрого призыва-лозунга Правительства и Партии о привлечении к «содружеству научной мысли и практического опыта», о связи «Производства» и «Науки» — наш **Музей** с глубокой благодарностью может отметить тридцать лет его культ-производственной ценнейшей связи с учреждениями нашей пушном промышленности, всего прежде с «Сортировочной Центральной Базой, **Холодильником Союзпушнины**».

А в итоге: привлечение к созданию Музея Дарвина самих рабочих-сортировщиков пушнины, занятых приемкой и сортированием многомиллионных шкур зверей, неисчерпаемым потоком поступающих в Москву со всех концов Союза, от полярной тундры и до знойной степи и пустыни, от Архангельска до Ашхабада.

А в итоге? Уникальные коллекции и уникальный род их поступления, руками и профессиональным глазом **русского рабочего**, попутно, в ходе производства, помогающего строить наш Музей, рабочего, движимого желанием содействовать **родной** науке и **родной** культуре, массовому просвещению.

Можно сомневаться в уникальности наших собраний по пушным животным, но с тем большей гордостью мы в праве утверждать, что формы и источники их получения, усердием, культурой **русского, советского рабочего**, на базе тесного его содружества с наукой, национально-уникальны, ибо мыслимы лишь на основе социализации промышленности, лишь в стране **социализма**.

Вместе взятые резец ваятеля и кисть художника, созвучно дополняя собственно-научную экспонатуру, посвященную учению Дарвина, позволят оттенить достойным образом его великий подвиг, пронизать экспонатуру **Дарвиновского Музея** элементами Советского практического применения его в животноводстве.

Из изложенного явствует, что, уделяя должное внимание классическому Дарвинизму, в его верной, исторически проверенной и корректированной подоснове, наш Музей старается внести принципы, лозунги и достижения Советской Биологии по линии увязки с самыми различными отделами народного хозяйства, будь то Звероводства и Охотоведения, Животноводства (Птицеводства, Коневодства и Собаководства..) Пушно-меховой Промышленности, Охранения Природы...

В равной степени борясь как против черствого, абстрактного академизма, так и против узко-цехового практицизма, наш **Музей**, мировоззренческий по своей сущности, глашатай современного научного мировоззрения, пытается вести эту свою работу в тесном творческом союзе с деятелями производства, оттеняя, углубляя, освещая практику в мировоззренческом аспекте.

Остается рассмотреть работу **Дарвиновского Музея** в области научного исследования и в сфере массовой работы.

Обращаясь к главному научному сотруднику — сооснователю Музея, Доктору биологических наук, Над. Ник. **Ладыгиной-Котс**, должно отметить самое категорическое, резкое отмежевание ее работ от взглядов зарубежных, в частности американских и немецких авторов по основным проблемам Антропогенеза.

Лишь частично до сих пор опубликованные в трех монументальных монографиях и ряде дополнительных статей, эти работы **Дарвиновского Музея**, подтверждая кровное родство животного и человека, и единство их происхождения, выдвигают **качественное отличие** душевной жизни антропоида и человека, а не разницу «по степени», как то доселе утверждает большинство ученых Западной Европы и Америки, тем самым укрепляя преднамеренно, или стихийно, почву для фашистских измышлений и расистских бредней.

Подвергая острой критике эти работы зарубежных авторов, сорокалетние исследования над биопсихологией приматов, проведенные Н.Н. **Ладыгиной-Котс** в Музее им. **Дарвина**, насыщены глубоко-национальным, **политическим** моментом, резонируя запросам современности и будучи созвучными учению **Энгельса** о роли и значении труда в процессе становления человека.

Здесь достаточно отметить широчайшее использование этих работ на лекциях, читавшихся в госпиталях Москвы, в дни нашей Великой Отечественной Войны, больным и раненым защитникам нашей великой Родины и удостоенных высокого признания.

Но не то же ли по линии музейно-методической, по линии работ Директора и основателя Музея, подготовленных к печати под названием: **«Полвека музейной работы»**.

Охватывая свыше тысячи печатных страниц, касаясь самых основных вопросов музеевской методики и практики, как они выяснились на основе **полувекового** опыта, том этот посвящен проблемам, незатронутым вниманием зарубежных музеев и самой беспощадной критике примитивизма экспозиции, доселе свойственного даже величайшим из музеев Западной Европы.

Но, конечно, самым убедительным и веским показателем характера, достоинств, или недостатков Учреждения являются не декларации и доводы его Дирекции, или сотрудников, но объективные свидетельства и мнения рядового, массового потребителя.

И прилагая ниже ряд подобных отзывов за **четверть века**, говорящих о значении и роли **Дарвиновского Музея**, как рассадника научных знаний среди масс и как источника и стимула Советского патриотизма, — должно сделать следующую оговорку.

Не имея своей «крыши», **сорок** с лишним лет ютятся в чужих стенах посылно выправляя их все возрастающую тесноту и неприглядность сказочным богатством собранных сокровищ и горячим словом их создателей и «охранителей», Музей наш ограничен **тысячами** посетителей там, где должны быть охвачены — **миллионы!**

Но решить эту задачу — приобщить эти **миллионы** к современному свободному научному мировоззрению, **привнося в эту работу национальный и патриотический момент** воздействия на посетителей, их охватить сознанием **передового места нашей Родины и на музейном фронте**, показать величие учения Дарвина в музейном претворении Страны Советов, в отсвете Советской Биологии, — **возможно лишь с постройкой здания, отвечающего мировому рангу Дарвиновского Музея, — детищу Великого Октября Великого Народа.**

И перефразируя слова одной из «вещих» драм нашего **Чехова**, возможно было бы сказать:

На полувековом этапе своего посылного служения **Родине** Музей имени Дарвина есть «дорогой рояль, который заперт, ключ к которому потерян, недоступен для широких масс», — миллионов нашего Советского народа.

Отыскать этот потерянный лишь мнимо «ключ», вручить его Народу — есть очередная, жгучая потребность, долг Советского патриотизма.

Эту мысль о **патриотическом** значении **Дарвиновского Музея** представляется уместным подкрепить еще одним конкретным и красноречивым аргументом.

Перед нами — две странички издававшейся в Москве посольством Англии газеты с устаревшим наименованием «Британского Союзника»,² имеющие показать успехи, или достижения английской жизни и культуры.

Упомянутые две странички посвящаются Британскому Музею, именно Естественно-научному его Отделу: ряду фотоснимков, представляющих отдельные объекты-экспонаты и работы по восстановлению их после войны.

Последний снимок, справа-снизу, нас знакомит с вводным Залом, посвященным обобщающим проблемам и «новинкам» Биологии, и всего прежде Зоологии, как наиболее доступной для показа массовому зрителю.

Дважды подолгу побывавши в Англии (1905, 1913), хорошо знакомый с залами Британского Музея, я не сразу осознал какую-то «неладность» в этом снимке, что-то незнакомое, фальшивое...

Не то, что вместо **одного** слона поставлено их ныне **два**, (хотя, по правде, и стоявший ранее один был совершенно не уместен!).

Поразило что-то необычное вдали, на заднем плане самой залы, на площадке, завершающей первые марши лестницы, ведущей к верхним этажам Музея.

Там, где в продолжении полвека красовался беломраморный монументальный облик **Чарльза Дарвина**, — маячит ныне бронзовая статуя его идейного противника — Ричарда **Оуэна**.

Стоявшая дотоле ближе к входу статуя эмпирика-схоласта-антидарвиниста **Оуэна** победно заступила место таковой великого философа, как символ возвращения к голой эмпирии и отказа от идейно-целостного понимания природы в свете современных знаний.

И при виде этой символической замены облика великого мыслителя его идейным антиподом, хочется спросить:

Как увязать с этой «заменой» обращенные недавно к нам упреки из английских уст, укоры в том, что русская, советская наука отвернулась от учения Дарвина, — когда на его родине, в стенах Британского Музея, статую **Дарвина** убрали с подходящего места, заменив ее фигурой самого заядлого бывшего антидарвиниста?

И перед лицом этого грустного метаморфоза в понимании и оценке **Дарвина** на его родине, — перемещение ее в страну Советов обретает в наши дни особо острый политический аспект, и это вопреки тому, что по причинам временным и преходящим, наш Музей лишен возможности поведать полным голосом об этом **политическом** значении своей научной и культмассовой работы.

Сжатый, стиснутый в своих теперешних наличных стенах, представляющих едва **десятью** лишь часть требуемых для показа мировых своих сокровищ, — **Дарвиновский Музей** идет навстречу удушению, **а затем и неизбежной гибели**, в течение ближайших лет...настолько колоссально возрастающая с каждым днем экспонатура не вмещается в наличные и до отказа переполненные стены.

Но справляясь — и не плохо! — с основными кадрами своих обычных посетителей (— учащихся и педагогов —) наш Музей лишен возможности в силу указанных причин исполнить в полной степени свой долг **патриотизма**, как Советского Музея, и работников Музея, как Советских патриотов.

Да и в самом деле. Вспоминая об упреках, раздающихся за рубежом по адресу Советской биологии, укорах в «искажении» Дарвинизма, в отрицании его советскими учеными, — казалось бы, что именно на долю **Дарвиновского Музея** выпала почетная задача и патриотичный долг — ответить на означенные выпады,

---

² № 44 (-з) от 2 Ноября 1947 года.

поведав, как в Стране Советов именно учению **Дарвина** посвящено создание особого Музея, отражающего все непреходящее в учении Дарвина, в объеме, полноте и совершенстве, неизвестных, да и недоступных для его неблагодарной родины.

От этого почетного, **патриотического** долга наш Музей был вынужден, увы! доселе отказаться из **патриотизма**: из за невозможности показа величайшего Музея Дарвинизма в **современном** его виде, в ныне занимаемых чужих стенах, более напоминающих хранилище и склад ценнейших экспонатов, чем «**Музей**», достойный, и во внешнем оформлении своем, нашей столицы, — сердца нашего Великого Народа!

Но не столько для достойного отпора зарубежным недругам, сколько для радости и пользы нашего Советского Народа, для преуспевания нашей родной культуры — разрешение вопроса о постройке здания для **Дарвиновского Музея**, как рассадника широкой популяризации основ Советского, мичуринского, творческого Дарвинизма — **стало острой и очередной задачей нашего московского строительства.**

Пусть не закончилась еще вполне навязанная нам работа: возродить из пепла тысячи гектаров, возвратит к труду и жизни жертвы вопиющих злодеяний озверелых банд фашистских извергов...

Музей имени **Дарвина** дождется своих новых и просторных стен!

Раскроются миллионам изумленных глаз итоги жертвенной и творческой работы **русской** мысли, **русского** резца и кисти, **русского рабочего** и **русского крестьянина** былой глухой деревни, ныне приобщенной к созиданию культурных ценностей, сокровищ мирового ранга.

Воплотится с величайшей глубиной, и красотой, и простотой, и силой наша национальная «культурная триада»:

русская идейность,

Русская любовь к природе и искусству,

Наш исконный, **русский** подлинный демократизм, мыслимый только в стране Советов, лишь в стране **социализма.**

Детище «Великого Октября», Музей имени **Дарвина**, получит вопреки еще сочащим ранам, нанесенным Родине войной и вопреки угрозам новой, — нужные ему хоромы здания, чтобы поведать полным голосом об истине, возвещенной в чужой стране великим зарубежным гением, но лишь в Стране Советов вновь обретшим для себя вторую родину.

Вещно-наглядно, красочно-изящно, целостно-идейно пусть расскажет наш Музей сынам и дочерям Великого Народа, и лишь через нас народам Мира, о великой истине, очищенной от шлаков зарубежной мысли, в пламенном горниле **русского** ума и **русского** демократизма, **русского** чувства красоты и правды, в ответе великой исторической борьбы за нашу **национальную, Советскую культуру!**